

В некоторых вологодских деревнях фольклорные причитания над умершим сохранялись на протяжении всего XX века, и даже в начале XXI века еще можно встретить женщину, «прибирающую слова» на могиле, или рассказ о том, как несколько лет назад на похороны родственника явилась соседка и начала «выть». Но нельзя не отметить маргинальность и самого умения (причитать могут далеко

не все), и действия (все-таки это случается редко). Традиция причитания постепенно сходит на нет. Это неслучайно. Изменился мир, изменился траурный этикет, да и сама церемония похорон стала более «цивилизованной». В статье ставится вопрос, какими запомнили причитальщиц те поколения деревенских жителей, на которых традиция остановилась, и как это связано с особенностями их обрядовой роли. Материалом исследования послужили интервью преимущественно с жителями востока Вологодской области (Тотемский, Тарногский и Никольский районы), а также интервью, записанные в Кадуйском районе и в Карелии. Интервью позволяет сделать выводы о том, чего не покажет текст плача, – о бытовании причитаний в реальных жизненных ситуациях в XX–XXI веках.

Причитания существовали в разных традициях, и развитие этого жанра во многих из них проходило по схожим моделям. Письменные фиксации ранних плачей – это слезы по богам и героям (именно им посвящены эпос и хроники – первые записанные тексты), часто это были плачи, исполняемые мужчинами. Поздние записи XIX–XX веков – причитания по родным, близким и соседям, исполняемые почти исключительно женщинами. Греческие причитания записываются до сих пор, современные египетские причитания собраны и исследованы в 1990-е годы, большинство записей в ирландских архивах относятся к 1930-м годам, карельские плачи собираются и изучаются на протяжении XX века финскими и российскими исследователями, в частности, в статье Эйлы Степановой выполнено сравнение литовских и карельских плачей (*Archaeologia Baltica: Archaeology, Religion and Folklore in the Baltic Sea Region*. – 2011. – № 15), в 2012 году вышел том украинских причитаний «Голосіння» (Киев), включающий как публикацию записей XIX века, так и современные записи текстов.

В этом многообразии севернорусская причеть, к которой причисляют и вологодскую, занимает важное место. Для северо-востока Европы – финно-угорских и славянских народов – характерна развитая традиция причети, при этом причитания сопровождали не только похороны и поминки, но и свадьбу, и проводы, например, в рекруты. И, что важно, причитания сохранились до того времени, когда стала технически возможна их запись. Однако последние десятилетия можно было наблюдать постепенное угасание жанра.

Жительница Тарногского района говорит о причетах своего детства как о будничном и распространенном явлении: «Вот раньше были на Осташеве причитали – вон те больно хорошо! ... Ешо мы небольшие были. Много было причитальниц. ... Раньше, я и баю, редко кто не причитал-то! Все умили веть. А причеты у кажново свои. У ково какое горе» (ж., 1926 г.р., Тарногский р-н). В своем поколении она остается чуть ли не единственной, кто сохранил этот навык.

Во многих местах (например, в Харовском районе) обязательные причитания прекратились в послевоенное время. В других районах причитания на похоронах продолжают существовать гораздо дольше: «В 1990 году еще причитали. Были бабушки, которые знали причеты. Их просили, чтобы они попричитали. Раньше это было в порядке вещей» (ж., 1969 г.р., Тарногский район). Жительница Тотемского района рассказывает о событиях десятилетней давности: «Бабушка умерла, стоим с сухими глазами. Пришла бабушки брата жена, ну ее уж нету, и тоже та с причетами. «Что, золовушка, как же ты меня покинула, передай привет да моему муженьку, детонькам моим» (у нее умерли дети перед войной еще). Она причитает: «Как мы с тобой прожили, да дружно мы жили, да жизнь-то мы трудную прожили, как мы с тобой

это делили-то». И она рассказала, что мы о бабушке не знали даже. Во время, когда причитала, она рассказывала! «Как мы познакомились с твоим братом, как ты меня хранила-берегла, когда брат на войне был!»» (ж., 1965 г.р., Тотемский р-н).

Непосредственное воспоминание о причетах в их живом бытовании сохраняется у людей разных поколений. В рассказах о детстве сам образ причитальщицы экзотизируется, ее появление описывается как почти мистическое событие: «И тут <...> откуда ни возьмись появляется бабка. Она в платочке, с палочкой, такая грузная большая женщина. <...> в каком-то трансе начинает причитать, и я очень четко помню ее вопль, он такой внутриутробный и пугающий. Сразу по всему телу пробегают холод. Если я еще ребенок, мне еще семь лет, я держу бабушку за руку: “Что это, бабушка, почему это происходит?”» (ж., 1992 г.р.).

Для современного человека наличие причитальщиц на похоронах делает смерть из трагичного, но, в общем-то, рядового события жизни, событием исключительным, невыносимым (случилось то, «чего век не случается», – говорится о смерти в причетах), а сама причитальщица становится носителем чужого, пугающего начала. Иногда близкие пытались остановить причет как усугубляющий (а не облегчающий) горе: «В 1981 году у меня мать умерла, летом. <...> Я краем глаза видел, что они зашли в черном и внезапно начали выть. Причитания эти. Они настолько были пронзительны, что я почти сразу впал в это состояние истерики и кричал: «Пусть они прекратят это дело!» <...> Потому что прошибает психологически, как ураган, вжик, который насквозь тебя проходит» (м., 1958 г.р., Тотемский р-н).

Родственники и соседи, когда вспоминают о причитальщицах в своем или родительском поколении, под-

черкивают, что те, кто причитали, были особенными: «А мамка моя причитала. Пела что-то, это ж не каждый!» (ж., 1930 г.р., Кадуйский р-н).

Самое частое эмное объяснение («эмное» понимание – существующее внутри культуры, «внутреннее», в противовес «этному», исследовательскому) – близость к горю, наличие своих умерших, особенно дорогих: «Она очень много в жизни пережила, одна четырех дочерей вырастила. От безысходности, от тяжелой жизни... Тетя Марфа очень сильно причитала: «Аннушка <дочь>, какая ты у меня была хорошая, да почему так получилось, что ты раньше ушла, на кого ты меня оставила...» – всю свою боль она в причитках и передавала» (ж., 1925 г.р., Кадуйский р-н). Эта психологическая трактовка не объясняет, почему другие женщины, потерявшие близких и любимых, не становились причитальщицами. В севернорусских деревнях второй половины XX века умение выражать горе именно в таких формах очевидно более редкое, чем трагические семейные истории.

Умение плакать причетом ассоциируется с сильным характером: «Причитали люди, которые, я даже не могу объяснить, как... Тетя Марфа у нас была сильного характера». Можно сказать, что сила преодолеть собственное горе оборачивается силой воздействовать на других. Именно это умение оказывается определяющим для хорошей причитальщицы. Часто такими были старшие женщины в деревне.

Какими же чертами должна обладать женщина, которая становится искусна в причетах? Судя по всему, голос был значим в меньшей степени, чем можно было бы ожидать. Например, у одной из авторитетных причитальщиц было прозвище «Гнусавка» (за то, что говорит в нос). Значима память, про другую вспоминают: «Она частушек много знала. Да она все знала! У нее была идеальная па-

мять. Как это ты не знаешь свой номер телефона мобильного?! Да я любой выучу!» (ж., 1966 г.р., Тарногский р-н). Прозвище «Лешачиха» (Тотемский р-н) объясняется умением выругать, которое часто сопутствует роли причитальщицы – ср.: «Ну такая она на язык-от была – и выругать может, хоть бы что. И все чисто может. Без матюков» (ж., 1955 г.р., Тарногский р-н). Согласно этим рассказам, причитальщицы легко переходили межличностные границы, и это важно, потому что они должны были управлять эмоциями людей.

Знание причитаний может входить как элемент в погребально-поминальную специализацию тех, кто моет покойников. Иногда занятие мытьем покойников передается по наследству от матери к дочери. От матери к дочери может передаваться и причет – так Анна Венаминовна (1931 г.р.) из Тотемского района впервые запричитала в 47 лет на похоронах матери, при этом она рассказывает, что «мама была гораздо» запричитать и что она «отпричитала весь Вожбал». Сама баба Нюра воспроизводит тексты и своих причетов, и материнских (например, фрагмент причета матери по сыну, брату Анны).

Причитания на практике часто совмещались с молитвами и духовными стихами, вбирали в себя образы православной символики. Молитвы и причитания – тексты принципиально разные – существуют на практике в едином комплексе. При этом молитвой просят Бога принять душу, а причитания становятся языком, на котором обращаются к самой душе. Распределение функций помогало текстам уживаться внутри одного ритуала. В кусте деревень Верховье Тарногского района параллельно существовали (и одновременно сошли на нет) причет и институт «читалок».

Причитание в пору своей обязательности могло восприниматься как ритуальная услуга или как семейный

долг. С этим связаны анекдоты о плакальщицах, у которых реальное отношение к покойному отличается от исполняемого плача. Так, в Бабушкинском районе записан рассказ о деде, которого бабка решила похоронить, сэкономив на костюме. Когда она начинает причитать: «Ой, ты милой да дорогой / Да ты куда да нарядился, / Да куда ты собрался», он отвечает: «В футбол играть, бабка!» («раз она его в трусы да майку надела») (ж, 1931 г.р., Бабушкинский р-н). Чтобы нейтрализовать противоречие между обязательностью причета и его прочувствованностью, сами причитальщицы переносят акцент с искусства причета на его личные смыслы. Похожим образом практика обучения причитаниям (путем тренировки заранее и прицельного слушания старших) отличалась от нарративов о внезапном пробуждении таланта к причету при смерти близкого человека. В народном представлении естественным считалось мистическое, а не техническое приобретение навыка, что гарантировало наличие контакта с потусторонними силами.

Причитания часто сохраняются в памяти людей, занимающих особое положение в деревне. Например, один из причетов был записан на празднике Тихвинской в Никольском районе от женщины, которая собирала монеты, оставляемые другими паломниками (непрестанно повторяя благословения всем, кто с ней столкнется). В дальнейшем разговоре оказалось, что эта женщина периодически ездит в Вологду искать, кто ей подаст. Е. Е. Левкиевская в статье «Прошение милостыни: Старые культурные модели и новые языковые стратегии» (сборник «Ритуал в языке и коммуникации», РГГУ, 2013) пишет о коммуникативной структуре нищенства, что любой прохожий становится потенциальным адресантом-дарителем, а нищий ставит себя на место адресата. При этом он – субститут высших сил: «Милостыня, подавание всегда рассматривались

в традиционном обществе как не только социальная, но и сакральная форма контакта социума с нищим (ср., например, милостыню как форму поминовения умерших), в лице которого происходит общение с Богом». Постановка себя на место сакрального адресата была свойственна нашей собеседнице с детства: по ее словам, мать посылала ее, девочку, на кладбище собирать конфеты и кормиться там. Запрет, существующий для всех детей, для нее не действовал. И причет по нашей просьбе она исполнила легко, перемежая его жалобой на отсутствие денег (намек мы охотно поняли).

Сложно сказать, притягивает ли рассказ о тяжелом жанре историю о странной судьбе или некое особое положение в социуме способствует развитию навыка причитать, но часто одно совпадает с другим. Про женщину, оплакавшую всех в деревне, соседка говорит: «Бабка была эдакая... Непростая» (Тотемский р-н). Про другую причитальщицу (от которой экспедиция «Школы традиционной народной культуры» записала несколько развернутых причетов) вспоминают: «Кого-то розвести, ково-то свести. ...К ней люди ходили и на машинах издили» (ж., 1941 г.р., Тарногский р-н). Даже в доме престарелых, где она провела последнюю зиму, ее разыскал человек с грыжей межпозвоночного диска. Сотрудница дома престарелых рассказывает: «Я ее вызвала, бабушку эту. <...>. Она говорит: “Мне не справиться – я ведь заговаривала грыжу у ребенков, у младенцев!”» (Тарногский р-н). Подобная коммуникативная неудача (омонимия народного названия детской болезни и нового врачебного диагноза) показывает, что представление о «магическом специалисте» переживает знание традиции оказываемых им услуг. Так и образ причитальщицы, знающей, как обратиться к умершему, и потому занимающей промежуточное

положение, переживает обязательность причитания на похоронах и поминках.

Далеко не всегда мастерица причетов бывает печальной, скорее, наоборот. Так рассказывают об одной из причитальщиц Кадуйского района: «А эта тетя Валя, она такая интересная всегда. ... Вот она могла в любой праздник пройти взять сковороду. Вот так поет частушки, бьет по сковороде, как по колоколу. И идет сквозь деревню, и все частушки... <...>. Она всю деревню разбудила – час или два...» (1930 г.р., Кадуйский р-н). Другие соседки говорят о той же исполнительнице причетов: «Она была артистка самая настоящая», «комичка», рассказывают, как она ходила ряженой (ж., 1939 г.р., Кадуйский р-н).

Можно воспринять это как объяснение причитаний через мастерство, необходимое при исполнении причета, через память на «все старинное». Хождения ряжеными – такая же традиция, как и причитание, примерно в то же время исчезающая из быта. Но между этими практиками есть более прочная связь.

Летом 2017 года от одной исполнительницы мы записали причет и следующий рассказ: «Я у одних побывала на празднике, а у них все учителя были. Все сидят первый день, все такие культурные. А я и думаю: погоди, я завтра сделаю вам. Эдак вот вилку сделала, а тут такую пихнула церевуху <черева – кишки, потроха>. Вот эдак покручу, покручу. «У тебя горько!» С мужем ты сидишь. Значит, они встают, целуются. А я говорю: «Ну, дак за это надо выпить!» И я каждой паре носила-носила, и они напились, я послушала, все учителя на второй день уж матюкаются. Вот это, говорю, отлично» (ж., 1931 г.р., Тотемский р-н). Ее приглашали и на похороны как лучшую причитальщицу и звали на праздники, где она пела матерные частушки и устраивала представления – рядилась солдатом, меди-

ком, затевала игры, целью которых было напоить и рас­ смешить собравшихся.

Противоречие здесь только кажущееся. В традицион­ ном обществе эмоции регламентированы. Есть ситуации для горя и для веселья, и то и другое должно быть публич­ ным и коллективным. Индивидуальное горе может быть опасно (о чем предупреждают былички о возвращаю­ щихся к одиноко грустящим вдовам покойных мужьях). Функция такого типа причитальщиц – во время особен­ ных дней выводить людей из обыденного состояния и правильным образом включать их в настоящий момент, будь то смех во время застолья или слезы на «последнем празднике». Матерные частушки в данном случае, как и причитания, имеют прагматику воздействия на слушате­ лей таким образом, чтобы они смеялись или плакали, то есть вели себя в соответствии с ситуацией.

И напоследок замечание по поводу гендерного аспекта исполнения. Исследовательница греческих плачей А. Caraveli-Chaves в статье «Мост между ми­ рами: Греческий женский плач как коммуникативное событие» указывает, что изучение этого жанра гармо­ нично вписывается в феминистические исследования, потому что это сфера власти женщин: женщины пол­ ностью присваивают ритуальную сферу и таким обра­ зом уравнивают доминирование мужчин в других сферах. Среди причин исчезновения жанра она отме­ чает отношение мужчин к плачам: от амбивалентного до откровенно враждебного (The Journal of American Folklore. – 1980. – Vol. 93. – № 368).

Знание похоронных и поминальных ритуалов действи­ тельно считается женским делом, а причитания записы­ ваются исключительно от женщин, но это не значит, что мужчины не могли причитать. Кадуйская причитальщица (1911 г.р.) на вопрос собирателя, могли ли мужчины при­

читать, уверенно отвечает: «Нет, мужчины не причитают!» – и тут же рассказывает о старике, у которого умер семнадцатилетний внук («А ен, говорит, пришел. Как женщина! ... Стоит, говорит, а плачет-то! Плачет-то уж горько»), и приводит фрагмент причета (Кадуйский р-н). Сотрудница Тарногского центра традиционной народной культуры рассказывает, как на «концертной беседе» в 1960-е годы ее бабушка причитала. После чего дедушка сказал: «Я тоже умею». «Накрыли его платком, и он запричитал лучше бабушки. Но это было дома, в семейном кругу». <Е.Ю.: А на похоронах он не причитал?> «На похоронах не слышала, чтобы он причитал. Это женское дело – причитать» (ж., 1957 г.р., Тарногский городок). Исполнение обрядового текста сопровождается правилами, за соблюдением которых сообщество внимательно следит. Иными словами, мужчины не причитали не потому, что они не могли научиться причету, а потому, что это не вызвало нужной реакции (слушатели воспринимали это как странный казус), что еще раз показывает значимость причета: не эстетическую, а обрядовую. Без умения вовлечь «зрителей», превратив их в «участников» проводов, причет не может выполнить ритуальную функцию.

Причитания в обряде имели цель задействовать в проводах умершего всех присутствующих, не случайно в описаниях искусных плакальщиц часто встречается указание, что они не останавливались, пока не заплачут все. Ритуальная обязательность предполагала знание правил, по которым собирается причет, при этом репутация причитальщицы формируется рассказами об ее человеческой исключительности (будь то тяжелая судьба, сильный характер или умение ворожить). Все это помогало воспринять ее как посредника между живыми и мертвыми. Вместе с изменением траурного этикета (предписы-

вающего теперь сдерживать слезы, а не эксплицировать их) отпадала надобность в таком ритуальном специалисте. Более того, причет начал мешать носителям новых эмоциональных матриц вести себя так, как они считали правильным, что приводило к напряжению между родственниками и ускорило уход плачей. Однако, исчезая, причитания начинают восприниматься как часть «живой старины», чужого, уходящего мира, таким образом причитальщица становится посредником не только между живыми и мертвыми, но и между разными культурными эпохами.